

Социальная эксклюзия: возможность моделирования на основе концепции «жизненной ситуации»

М.С. Астоянц

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: В статье сделана попытка построения причинно-следственной модели социальной эксклюзии с позиций концепции «жизненной ситуации». Для построения такой модели с помощью причинно-следственного анализа нужно найти тематически релевантный исходный пункт, из которого в дальнейшем в дихотомическом смысле будут вестись наблюдения об эксклюзии или инклюзии в ту или иную подсистему общества, что позволит определить набор показателей для измерения инклюзии в каждой конкретной ситуации. Далее возможно установить степень инклюзии в соответствующую подсистему.
Ключевые слова: социальная эксклюзия, социальная инклюзия, жизненная ситуация, жизненные шансы, причинно-следственная модель эксклюзии.

В социологическом дискурсе социальная эксклюзия определяется как постепенный процесс накопления ущерба, ведущий от полной интеграции через пограничное состояние надлома к полной изоляции индивида или группы от общества. Социальная эксклюзия это социальный процесс, вытесняющий индивида за границы общественной жизни, когда спектр ресурсов, доступных индивиду становится все уже, и, одновременно состояние, возникающее вследствие этого.

Э. Гидденс под социальной эксклюзией понимал «механизм, отделяющий группы людей от главного социального потока» [1]. Он выделял две формы социальной эксклюзии в современном обществе – добровольную эксклюзию, «самоогораживание» элиты, и вынужденное исключение представителей нижних слоев общества, ставших жертвами структурных и культурных социальных изменений (у Э. Гидденса «жертвы структуризации»), разрушающее социальную солидарность.

Социально-экономические трансформации могут стать причиной снижения ресурсной обеспеченности (приводить к снижению уровня доходов, безработице, социальной незащищенности) и, как следствие, к

нарастанию процессов социальной эксклюзии. В условиях социальных трансформаций снижается защита населения от рисков, и тот, кто оказывается неспособен быстро адаптироваться к сложной ситуации, рискует оказаться в числе исключенных. Однако неверно будет утверждать, что эксклюзия является лишь последствием неблагоприятных социально-экономических условий – скорее, она – неизбежное порождение капитализма и следствие социального неравенства [2].

Процессы и состояние исключения могут возникать на уровне индивидов, групп и общества в целом в случае ослабления одной или нескольких социальных систем. Американский социолог У. Уилсон в качестве исключенных групп рассматривает те, от которых отдаляются, и с которыми рвут контакты группы с более высоким социальным статусом [3]. Существуют группы населения, которые принято относить к исключенным: сироты, инвалиды, беженцы, безработные, национальные меньшинства.

Мы понимаем под социальной эксклюзией многомерный кумулятивный процесс, нарушающий социальные связи индивидов или групп и препятствующий их участию в жизни общества, и состояние отверженности индивидов или групп, возникающее вследствие этого процесса [4].

Социальное исключение существует на всех уровнях социальной реальности: на макро-, мезо- и микроуровне. На макроуровне исключение обусловлено нарушениями в функционировании социальной системы в целом, обострением существующих и возникновением новых социально-экономических, политических, социокультурных проблем и соответствующей социальной политикой государства. Социальное исключение может подкрепляться или, напротив, ослабляться под воздействием множества социальных, экономических, политических, культурных факторов, образующих самый широкий контекст, в котором

существует та или иная социальная проблема. На мезоуровне исключение связано с функционированием социальных институтов и сообществ, ключевых для тех или иных исключенных групп, и повседневными практиками, в которых проявляется социальное исключение. На микроуровне исключение тесно связано с отсутствием или наличием у индивида ресурсов, необходимых для социального включения. Большое значение на микроуровне приобретают экономический, социальный и культурный капитал исключенных индивидов и групп как ресурс, наличие которого может служить потенциалом для расширения социального включения и участия. Важнейшей мерой по преодолению социального исключения является социальная инклюзия – социальное включение, основанное на активном участии индивидов и групп в жизни общества.

С точки зрения лумановской теории автопойэтических систем концепция социальной эксклюзии/инклюзии может быть прочтена следующим образом: каждая личность со своими ресурсами, компетенциями, целями становится элементом, входящим в некоторое количество общественных подсистем, объединенных в свою очередь определенной смысловой связью и образованных для выполнения определенных функций. Такое множественное вхождение в социальные подсистемы Никлас Луман определяет как инклюзию, а не-вхождение, не-принадлежность к другим подсистемам, соответственно, как эксклюзию. Каждая личность куда-то многократно включена и откуда-то многократно исключена. Практически невозможна как полная инклюзия, так и полная эксклюзия индивида из всех общественных подсистем. И потому полную инклюзию и полную эксклюзию можно рассматривать в качестве идеально-типических полюсов, между которыми проходят процессы инклюзии и эксклюзии [5].

Вполне сочетается с концепцией социальной эксклюзии и противоположной ей социальной инклюзии концепция жизненной ситуации,

которая учитывает весь спектр общественного неравенства. Эта концепция отражает как объективное, так и субъективное, и не только вертикальное, но и горизонтальное неравенство. Жизненная ситуация понимается в ней как совокупность всех внешних условий, которые влияют на жизнь человека.

Истоки концепции жизненной ситуации можно усмотреть в работах Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» (1845) и М. Вебера «Тенденции к изменению положения сельскохозяйственных рабочих Восточной Германии» (1894). Однако, как отдельный и самостоятельный подход, концепция была разработана Отто Нейратом в 20-х годах XX-го века. Позднее вклад в развитие концепции внесли Курт Греллинг, Герхард Вайсер, Ингеборг Нансен и ряд других западных исследователей.

«Жизненная ситуация» у О. Нейрата – это «воплощение всех обстоятельств, которые обуславливают поведение человека, его боль, его радость. Жилье, еда, одежда, здравоохранение, книги, театр, дружелюбная человеческая среда – все является частью жизненной ситуации» [6]. О. Нейрат подчеркивает многомерность различных областей жизни и их субъективное восприятие индивидом. Таким образом, концепция позволяет не ограничиваться измерением только одного лишь измерения качества или образа жизни, а позволяет проводить полный многомерный анализ всех областей жизни индивида в их взаимодействии.

Не только материальные условия жизни, но и другие факторы, такие как образование, занятость или безработица, состояние здоровья, одиночество или наличие социальных связей индивида влияют на жизненную ситуацию. Хотя вес этих факторов различен, фактор материального благополучия нельзя игнорировать – денежная бедность играет центральную роль в числе прочих проблем и многие иные факторы коррелируют с ним (например, плохие жилищные условия обычно соответствует низким доходам). Но есть также проблемы, с которыми

невозможно справиться дополнительными финансовыми ресурсами: например, в случае развода, алкогольной или наркотической зависимости, инвалидизации или тяжелой болезни жизненная ситуация будет определяться факторами, напрямую независимыми от уровня доходов индивида.

Интересное дополнение концепция жизненных ситуаций получила с введением в нее понятия жизненного шанса (возможности) (А. Сенс), позволяющее обратить внимание на взаимодействие общественной структуры и ресурсов индивида, разделить условия (шансы и возможности) и действия, реакцию на них самого индивида. При этом жизненная ситуация может пониматься как «набор социальных возможностей» [7].

С таких позиций концепцию жизненной ситуации можно рассматривать как концепцию включения в общественные подсистемы, достигаемого в различной степени. А поскольку все общественные подсистемы хотя и функционируют самостоятельно, но структурно связаны друг с другом, при создании модели важно учитывать причинно-следственные связи между различными подсистемами, влияющие на процессы инклюзии/эксклюзии.

Моделирование социальных процессов, таких как например социальная эксклюзия, требует учета большого числа факторов, интересов, рисков и последствий, поскольку присутствует высокая степень неопределенности внешней среды [8]. В таких случаях исследователи зачастую используют когнитивных моделей, когнитивные архитектуры и интегрированные системы моделирования [9].

Д. Энгельс предлагает использовать модель уточнения причинно-следственных связей для достижения приемлемого уровня жизни (жизненного стандарта). Логика такова: для достижения определенного жизненного стандарта, включая участие в общественной и культурной жизни, возможность организации своего досуга, необходимо обеспечение

определенными материальными и социальными ресурсами. Тот, кто лишен этого обеспечения, не сумеет достигнуть приемлемого уровня жизни. В свою очередь, обеспечение материальными ресурсами становится возможным при условии участия индивида в системе трудовой занятости (в противном случае потребуются значительные социальные трансферы, компенсирующие отсутствие заработка или наличие значительного капитала). Инклюзия в систему трудовой занятости предполагает, по меньшей мере, наличие здоровья в форме физического и психического ресурсов, а также образования и соответствующей профессиональной квалификации. Тот, кто не в состоянии подтвердить наличие этого, имеет чрезвычайно низкие шансы для подключения к соответствующим подсистемам.

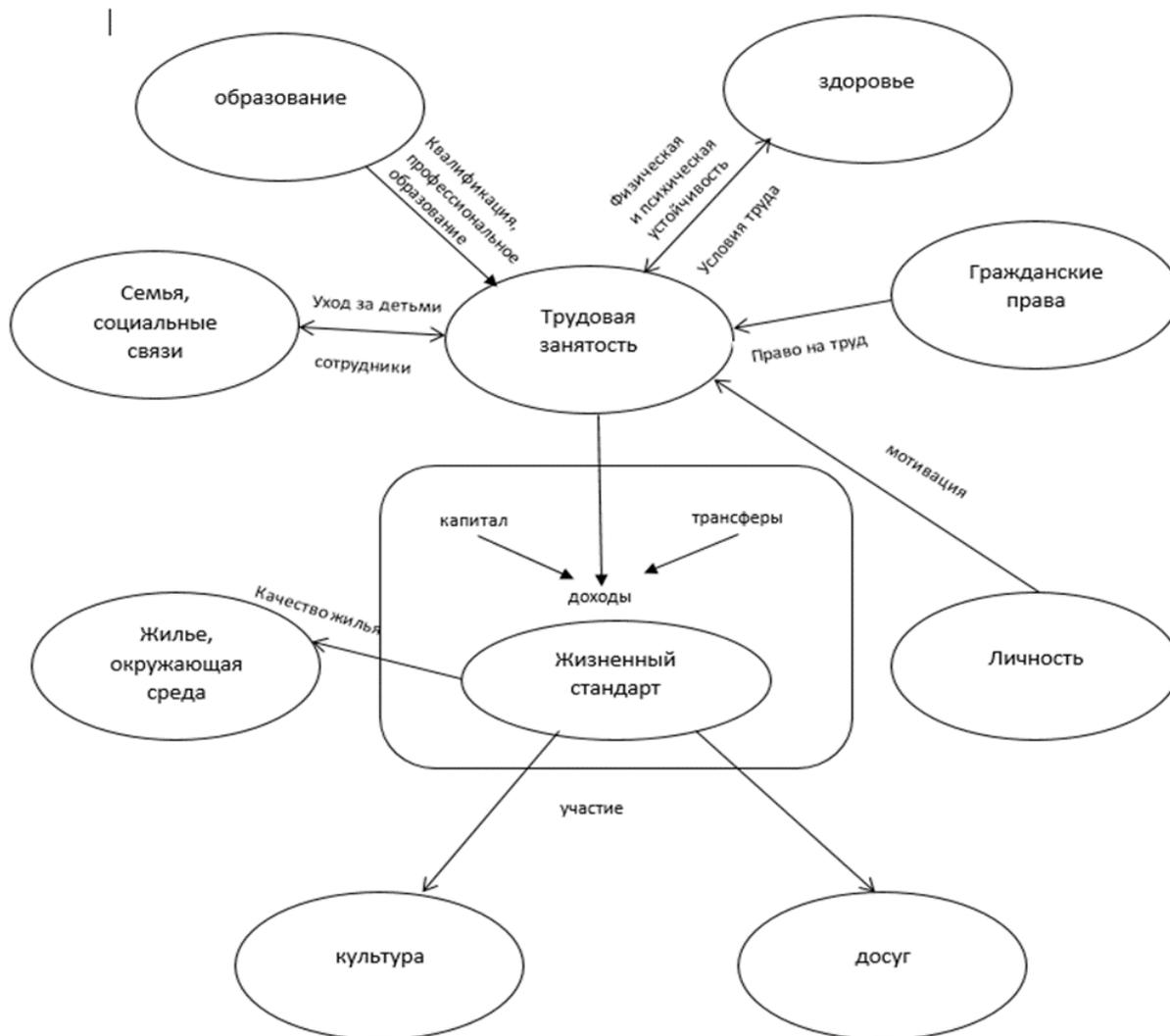

Рис. 1 Причинно-следственная модель социальной эксклюзии

Таким образом, модель уточнения причинно-следственных связей представляет собой тесно переплетенный клубок взаимосвязей различных подсистем, а основой достижения соответствующего уровня жизни оказывается экономическая подсистема (важнейшая составляющая – трудовая занятость). Достраивая причинно-следственные связи, можно получить более полную и подробную модель (см. рис. 1).

Благодаря переосмыслению концепции жизненных ситуаций становится возможным двухступенчатый анализ: на первом этапе с помощью причинно-следственного анализа нужно найти тематически релевантный

исходный пункт, из которого в дальнейшем в дихотомическом смысле будут вестись наблюдения об эксклюзии или инклюзии в подсистему. На втором шаге возможно установить степень инклюзии в соответствующую подсистему. Выделение тематически релевантного исходного пункта инклюзии позволит нам определить набор показателей для измерения инклюзии в каждой конкретной ситуации. Вопрос о том, какие показатели измерения жизненных ситуаций являются важными, а какими можно пренебречь, решается с учетом положения определенной социальной группы.

Например, для моделирования эксклюзии/инклюзии неработающих пенсионеров более релевантными будут связи между их здоровьем, участием в социальной и культурной жизни, структурой свободного времени, а также их социальные связи, в то время как трудовая занятость или профессиональная квалификация уже перестает быть актуальной (хотя некоторые авторы считают обязательным измерение такого показателя социальной эксклюзии, как положение на рынке труда [10]).

Сочетая, комбинируя концепции жизненной ситуации и социальной эксклюзии/инклюзии, мы получим эффект не только в теоретическом, но и практическом смысле, поскольку сможем моделировать варианты различных жизненных ситуаций через ступенчатые процессы социальной эксклюзии/инклюзии и применять эти модели в социальной работе.

Литература

1. Giddens, A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. – Polity Press, 1998. pp. 104-105.
2. Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2009. №12. С. 54-55.
3. Wilson, W.J. The Truly Disadvantaged: the inner city, the underclass, and public policy / W.J. Wilson. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. –

pp. 125-139.

4. Астоянц М.С. Социальное сиротство: условия, динамика и механизмы эксклюзии (социокультурная интерпретация): монография – Азов: ООО «АзовПечать», 2009. С. 36.
5. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. – М., 1998. С. 94 –108.
6. Neurath, O. Antike Wirtschaftsgeschichte. Wien, 1909. s. 48.
7. Engels, D. Lebenslagen und soziale Exklusion. Thesen zur Reformulierung des Lebenslagenkonzepts für die Sozialberichterstattung // Zeitschrift „Sozialer Fortschritt“, Heft 5, Mai 2006, s. 113.
8. Розин, М.Д. Модельный подход к анализу и прогнозированию процессов социальных взаимодействий на Юге России // Инженерный вестник Дона. 2010. №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2010/184.
9. Розин, М.Д., Свечкарев, В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия// Инженерный вестник Дона. 2012. №2. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2012/846.
10. Сапонов Д.И., Смолькин А.А. Социальная эксклюзия пожилых: к разработке модели измерения // Мониторинг общественного мнения. 2012. №5. С. 85.

References

1. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. 1998. pp. 104-105.
 2. Astoyanc M.S., Rossikhina I.G. Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta. Pedagogicheskiye nauki. 2009. №12. pp. 54-55.
 3. Wilson W.J. The Truly Disadvantaged: the inner city, the underclass, and public policy. 1987. pp. 125-139.
 4. Astoyanc M.S. Social'noe sirotstvo: usloviya, dinamika i mekhanizmy
-

- ehksklyuzii (sociokul'turnaya interpretaciya) [Social orphanhood: the conditions, dynamics and mechanisms of exclusion (socio-cultural interpretation)]. Azov: ООО «AzovPechat'», 2009. p. 36.
5. Luman, N. Sociologiya na poroge XXI veka: Novye napravleniya issledovaniy. M., 1998. pp. 94 –108.
 6. Neurath, O. Antike Wirtschaftsgeschichte. Wien, 1909. p. 48.
 7. Engels, D. Zeitschrift „Sozialer Fortschritt“, Heft 5, 2006. p. 113.
 8. Rozin, M.D. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2010. №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2010/184.
 9. Rozin, M.D., Svechkarev, V.P. Inženernyj vestnik Dona (Rus), 2012. №2. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n2y2012/846.
 10. Saponov D.I., Smolkin A.A. Monitoring obshchestvennogo mneniya. 2012. №5. p. 85.